HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Творчество Гайто Газданова в 1930-е годы
Author(s)	МОТИДЗУКИ, Цунэко
Citation	辺境と異境 : 非中心におけるロシア文化の比較研究 （基盤研究（B)研究成果報告書）, (2), 32-39
Issue Date	2011-03-15
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/51993
Type	research report
File Information	2011.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Творчество Гайто Газданова в 1930-е годы

Цунэко МОТИДЗУКИ

1. Введение

В литературоведческой традиции писателей первой волны эмиграции принято разделять на две группы: «старшее поколение», начавшее печататься еще в России, и «младшее поколение», вступившее на литературную стезю уже за рубежом.

Представителями старшего поколения являются И. Бунин, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Б. Зайцев и т.д., молодого – В. Набоков-Сирин, Г. Газданов, Б. Поплавский и т.д. В Советском Союзе, где в сталинское время были запрещены даже упоминания о литературе русского зарубежья, изучение творчества писателей-эмигранов и их публикации начались только в 1960-е годы, причем только писателей старшего поколения во главе с И. Буниным, который был лауреатом Нобелевской премии.

На Западе и в Японии в отношении к русской зарубежной литературе основной интерес вызывали прежде всего писатели старшего поколения первой волны, а позднее – третьей волны эмиграции. В России писателей младшего поколения по-настоящему узнали и начали изучать только в 1990-е гг.

В. Варшавский назвал младшее поколение первой волны «незамеченным поколением» в своей одноименной книге 1956 г. Он писал о людях того поколения:

> Большинство из них родилось в первом десятилетии века. Они успели получить в России только начальное воспитание и попали в эмиграцию недоучившимися подростками. Старшие из них прошли в рядах Добровольческой армии страшный опыт Гражданской войны. Большинство же покинуло родину почти детьми. Они еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их

отличие от поколений старших. Зато есть в их судьбе сходство с судьбой всех «лишних людей» русского прошлого и всех «потерянных» поколений Европы и Америки.[1]

Гайто Газданов, родившийся в 1903 г., соответствует всем пунктам этого определения. В 1930-е годы в зарубежном литературном мире Газданова считали одним из самых замечательных писателей младшего поколения наравне с Набоковым-Сириным. О нем пишут: «выходец из осетинской семьи и петербуржец по духу, белогвардеец, в ранней юности познавший трагедию Гражданской войны и изгнания; в эмиграции – нищий, чернорабочий, водитель ночного такси, масон, участник Сопротивления, сотрудник радио «Свобода»» [2]. Этот писатель прожил необычную и трудную жизнь, которую можно в некотором смысле назвать квинтэссенцией многослойности, многогранности биографий русских эмигрантов в Европе в период между двумя мировыми войнами. В 1930-е годы Газданов описывал это тяжелое существование эмигрантов, в том числе, конечно, и своё. В настоящей статье мы рассмотрим основные темы творчества Газданова на материале его рассказа «Водяная тюрьма» и романа «Ночные дороги».

2. Жизнь в одиночестве. Рассказ «Водяная тюрьма» (1930)

Рассказ «Водяная тюрьма» очевидно отражает реальные жизненные обстоятельства самого писателя в период его создания, несмотря на то, что мы не найдем в нем прямых указаний на это. Его герой-рассказчик не говорит ни о своем прошлом, ни о настоящем; его имя, происхождение, профессия или образование нам неизвестны, мы только смутно догадываемся о том, что это эмигрант из России. Как и во многих других рассказах Газданова, здесь нет определенного сюжета: герой от первого лица рассказывает об увиденном и услышанном – о хозяевах гостиницы и соседях, знакомой женщине и ее гостях. В рассказе ничего не происходит, а только сильно ощущается одиночество и замкнутость существования героя.

Обратимся к его началу:

В гостинице, находящейся неподалеку от «Одеона», куда я вернулся, прожив год на другом конце Парижа, ничего не изменилось за

[1] *Варшавский В.С.*, Незамеченное поколение, Нью-Йорк,1956, с.16-17.
[2] Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения, 4-5 декабря 1998 г., М., 2000, с.6.

время моего отсутствия. По-прежнему гремел граммофон в комнате студента-грека, по-прежнему другой мой сосед, молодой человек из Вены, был тих и пьян, как в прошлом году, по-прежнему хозяин гостиницы играл в ближайшем кафе, поспешно тасуя карты и ежедневно проигрывая то небольшое количество денег, которое ему давала жена. (3,154)[3] (Подчернуто мною – Ц.М.)

Троекратное повторение наречия «по-прежнему», выражения «ничего не изменилось», «как в прошлом году» передают чувство однообразия, тусклости существования, которое влекут постояльцы гостиницы. Жизнь самого героя за год тоже не изменилась, он говорит о себе: «Вернувшись в свою гостиницу, я опять начал вести такую же жизнь, как год тому назад: по-прежнему я ничего не делал и не знал, что будет со мной завтра».(3,158). Здесь опять встречаем слово «по-прежнему»: читатель еще ничего не знает о герое, но уже ощущает безвыходность и замкнутость его жизни.

Эту тему писатель продолжает и в рассказах «Черные лебеди» (1930), «Фонари»(1931), и в романе «Вечер у Клэр» (1930), в котором описывает одиночество молодых эмигрантов, однако именно в «Водяной тюрьме» он создает особенно выразительный образ одинокого пленника, заключенного в водяной тюрьме.

И, силясь не закрывать глаз, я видел, как оживали и начинали существовать все предметы, наполнявшие мою комнату, – как неведомый свет бежал по зеркалу шкафа, как раздувались страницы книг на столе, как плыл в темноте мраморный корабль умывальника и из-за овальной решетки его, помещавшейся между кранами с горячей и холодной водой, мелькало белое лицо водяного пленника, которого я оставил здесь год тому назад и которого по-прежнему нашел в его водяной тюрьме, когда вернулся. И даже днем, взглянув случайно на это овальное окошко, напоминавшее иллюминатор с решеткой, я видел, как мне казалось, что маленькая фигурка хватается пальцами за прутья решетки и умоляюще смотрит на меня. (3,159)

Гротескный образ маленького водяного пленника вырастает на фоне реальных бытовых деталей (умывальник в номере дешевой гостиницы,

[3] *Газданов Г.*, Собрание сочинений в 3 т., М., 1996. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

овальная решетка между двумя кранами и белое лицо, мелькающее за решеткой) и оказывает сильное воздействие на воображение читателя; он настолько выразителен, что все другие персонажи рассказа отступают на задний план и служат лишь фоном, оттеняющим образ этого героя.

В развязке рассказа в зеленоватом сумраке комнаты, которая напоминает каюту затонувшего корабля, в грезах герой слышит звук пианино, и еще сильнее ощущает себя пленником:

> А музыка все продолжалась – и я почувствовал, что не уйду теперь из водяной тюрьмы и вечно буду здесь, – как мой пленник, – в иллюминаторе, за решеткой умывальника. (3,171)

Ночью забывший закрыть окно герой промокает от дождя, – таким объяснением заканчивается рассказ. Тут уместно вспомнить его эпиграф из повести Мопассана «Орля»: Quand nous sommes seuls longtemps, nous peuplons le vide de fantomes (Когда мы долгое время пребываем в одиночестве, мы населяем пространство призраками). Водяной пленник, заключенный в водяной тюрьме, которая находится за решеткой умывальника, возникает в воображении героя в результате его долгого пребывания в одиночестве. Гротескный образ маленького водяного пленника становится уникальным символом безвыходности существования и одиночества молодых эмигрантов.

3. Жизнь чужака в Париже. «Ночные дороги» (1939-1941)

Повествование в романе Газданова «Вечер у Клэр» ведется от первого лица. Жизненный путь молодого героя-рассказчика – детство и гимназические годы в России, Гражданская война, жизнь в Париже – является автобиографическим, его образование, социальный статус и т.д. отражают факты биографии писателя, да и внутренний мир героя также близок авторскому.

В отличие от этого произведения второй и третий романы – «История одного путешествия» (1934-1935) и «Полет»[4] – написаны от третьего лица. Их герои являются состоятельными, молодыми и красивыми людьми, которые совсем не сталкивались с трудностями жизни. Через 10

[4] Начальная часть “Полета” была напечатана в журнале «Русские записки» в 1939 г. Но публикация не закончена, так как в связи с возникновением Второй мировой войны выпуск журнала был прекращен. Роман впервые полностью публикован в 1992 г., *Газданов Г.* Полет / First Complete Edition with an Introduction and Bibliographical Appendix by L. Dienes, The Hargue: Leuxenhoff Publishing, 1992.

лет в романе «Ночные дороги» [5] писатель вновь вернулся к повествованию от первого лица, описывая хорошо знакомый ему мир, так же, как и «Вечер у Клэр», его можно считать автобиографическим.

Герой романа не назван по имени и фамилии, о нем известно только, что он является эмигрантом из России и работает ночным таксистом в Париже – это хорошо известная реальная деталь быта русских эмигрантов во Франции, многие из которых были вынуждены заниматься извозом.

Е. Менегальдо в книге «Русские в Париже 1919-1939» пишет: «Русские таксисты в мирные годы между двумя войнами становятся такими же парижскими «типами», как уличные художники, облюбовавшие Монмартр, и непременные консьержки, без которых немыслим Париж». [6] Можно сказать, что для эмигрантов работа таксиста была самой желанной, поскольку давала возможность жить в Париже в окружении знакомых и друзей. К тому же, эта профессия обеспечивала в определенной степени независимость и свободу, что особенно высоко ценили эмигранты.

Так и герой романа Газданова по своему желанию становится таксистом. Он говорит:

> До этого, однако, я был рабочим, потом студентом, потом служащим, потом занимался преподаванием русского и французского языков, и только после того, как выяснилась для меня совершенная несущественность этих занятий, я сдал экзамен на знание парижских улиц и управление автомобилем и получил необходимые бумаги. (1,485)

Он был достаточно крепок физически и мог работать на заводе или в порту наравне с обычными чернорабочими, но был не в силах терпеть совместную с ними жизнь в бараке. Независимость и свобода, которые в определенной степени обеспечивает профессия таксиста, имеют для него большое значение, однако герой, напротив, недоволен своей профессией, и говорит о ней с отвращением: «…я никогда не знал бы много из того, что знаю, и половины чего достаточно, чтобы отравить навсегда

---

[5] Начальная часть романа «Ночные дороги» была напечатана в журнале «Современные записки» в 1939 – 1940 гг. Но публикация не закончена, как у "Полета". Роман был окончен в 1941 г. После войны в 1952 г. был публикован отдельным изданием (*Газданов Г.* Ночные дороги, Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952).

[6] *Менегальдо Е.* Русские в Париже 1919-1939, М., 2001, с.181.

несколько человеческих жизней, если бы мне не пришлось сделаться шофером такси» (1,485). Мы очень хорошо знаем из произведений Газданова, какие страшные картины он видел на Гражданской войне. Но рассказчик «Ночных дорог» говорит о ночном Париже, «...никакая гражданская война не могла сравниться по своей отвратительности и отсутствию чего-нибудь хорошего с этим мирным, в конце концов, существованием» (1,465) .

Отвращение героя к ночному Парижу объясняется прежде всего тем, что «население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей природе и профессии чаще всего уже заранее обреченных» (1,465). В романе подробно описывается основное «население ночного Парижа» – нищие, бездомные бродяги, проститутки, сутенеры, алкоголики и сумасшедшие...

В 1920-е годы, называемые по-французски *années folles,* Париж был центром мировой культуры. Это было время подъема культуры, развития всех видов искусства – музыки, театра, кино, новых тенденций в моде, стиле жизни и т.д.

В 1930-е годы, начавшиеся мировым экономическим кризисом и полные тревожных событий, ситуация резко изменилась, но Париж все-таки оставался одним из самых богатых городов и мощных культурных центров всего мира. В области литературы в 1920-е гг. в Париже ирландец Джеймс Джойс завершил и опубликовал роман «Улисс»(1922), из Америки приезжали такие писатели, как Фицджеральд и Хемингуэй. Чем красивее, роскошнее, шикарнее была парадная сторона города, тем темнее, некрасивее и страшнее становились его задворки. Здесь вспоминается, как точно описал «дурную сторону» Парижа того времени работавший посудомойщиком в парижской гостинице и живший в трущобе Джордж Оруэлл в книге «Собачья жизнь в Париже и Лондоне» (Down and Out in Paris and London) (1933).

Сама профессия ночного таксиста также заставляет смотреть на жителей города безрадостным взглядом. Встреча клиента с шофером всегда случайна и единична, поэтому пассажирам безразлично, что подумает о них таксист, которому открывается вся их подноготная:

«...я видел моих случайных клиентов такими, какими они были в действительности, а не такими, какими они хотели казаться, – и это соприкосновение с ними, почти всякий раз, показывало их с дурной стороны» (1,466).

Рассказчик, свидетель ночной жизни самых разных обитателей

Парижа, как правило, описывает их «с дурной стороны». Е. Бальзамо, переводчица «Ночных дорог» на французский язык, замечает: «Две фразы звучат в романе как рефрен и передают настроения рассказчика, вызванные событиями, свидетелем или участником которых он оказывается: «Я подал плечами», «Я не мог привыкнуть».[7] По подсчетам автора этой статьи, в романе выражение «Я пожал плечами» встречается 7 раз, а «Я (долго) не мог привыкнуть» – 9.

Особенно заслуживает внимания фраза героя – «Я не мог привыкнуть». Например, к парижским бродягам, проституткам, их клиентам и сутенерам (1,517, 1,573). О сутенерах он отзывается особенно резко, чего стоит одна только фраза – «моральный сифилис, характерный для сутенеров» (1,573). Он также не мог привыкнуть «к выражению глаз у большинства людей, с которыми мне (ему) приходилось чаще всего встречаться». Это выражение глаз означает «какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то удивительную и успокаивающую тусклость взгляда» (1,636). Здесь особенно сильно проступает недовольство и раздражение чужой окружающей средой интеллигента, вынужденного с ней мириться. «Я помню, — он говорит— мне никак не удавалось объяснить моим товарищам по работе, что я поступаю в университет, они не могли этого понять» (1,486). Он не считает своих товарищей по работе дурными людьми. Ему кажется, что эти люди не хуже, а часто даже лучше и, во всяком случае, честнее, чем представители других профессий. Но все-таки, несомненно, он «был совершенно чужд» этим людям (1,486).

Добавим также, что герой является чужим для окружающих не только как интеллигент, но и как иностранец. Он в совершенстве владеет французским языком, и так свободно и без акцента говорит по-французски, что, по убеждению друзей, его трудно принять за иностранца. Однако пассажиры такси иногда его спрашивают, «Вы иностранец?» или «Вы русский?». Это случается, когда он протестует против таких требований, которые французы-шоферы исполнили бы беспрекословно. На небрежное обращение герой реагирует тоном человека, равного своим клиентам, что кажется ему самому вполне естественным и нормальным. Именно поэтому испуганные представители французской элиты спрашивают его: «Вы иностранец ?». К этой ситуации герой также не мог привыкнуть:

---

[7] *Бальзамо Е.*, «Ночные дороги» Гайто Газданова, Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур, М., 2005, с.141.

> Я нигде не имел возможности так близко видеть резкую социальную разницу между людьми и, главное, такого полного примирения со своей участью, я никак не мог к этому привыкнуть. Я чувствовал, что, проживи я здесь еще пятьдесят лет, это ничего не изменит. (1,603)

Профессия таксиста делает очевидными все классовые противоречия французского общества и приводит героя к горькому осознанию того, что он во французском обществе будет навсегда иностранцем, т.е. «другим», чужим существом.

Повторяемое 9 раз выражение «Я не мог привыкнуть» звучит каждый раз очень резко. В нем остро чувствуется возмущение, негодование, протест и даже физическое отвращение. Взгляд парижского ночного таксиста, эмигранта из России, делает «Ночные дороги» уникальным романом.

4. Заключение

В 1930 гг. в Париже пышный расцвет культуры пошел на спад, но туда по-прежнему стремились, каждый по своей причине, известнейшие деятели мировой культуры, создавшие разные образы Парижа того времени.

Помимо Оруэлла, о Париже писал в своем романе «Торопик Рака» (Tropic of Cancer, 1934) Генри Миллер, Йозеф Рот - в «Легенде о святом пропойце» (Die Legende vom heiligen Trinker, 1939) и др. Гайто Газданов тоже был одним из иностранных писателей, писавших о Париже в 1930 гг. В конце «Ночных дорог» он называет его «этот зловещий и фантастический Париж» и завершает свой роман словами:

> …и как бы мне ни пришлось жить и что бы ни сулила судьба, всегда позади меня, как сожженный и мертвый мир, как темные развалины рухнувших зданий, будет стоять неподвижным и безмолвным напоминанием этот чужой город далекой и чужой страны. (1,656)

Созданный Газдановым образ Парижа был уникальным. Однако творчество молодого поколения первой волны эмиграции из России осталось незамеченным как в русской, так и в мировой литературе. И произведения Газданова, представителя этого «незамеченного поколения», еще ждут изучения и заслуживают пристального внимания.